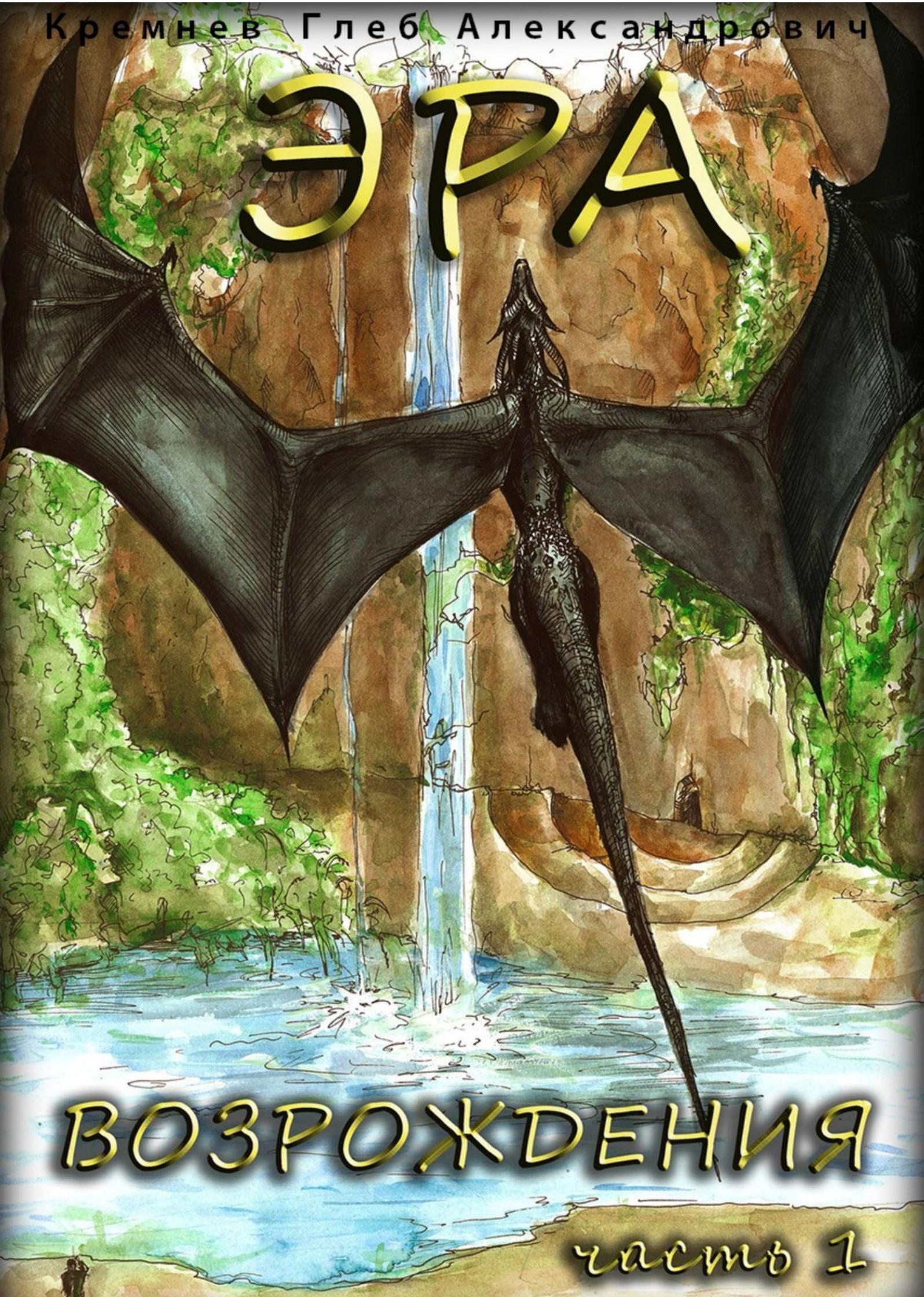

Кремнев Глеб Александрович

ЭРА

ВОЗРОЖДЕНИЯ

часть 1

Глеб Кремнев

Эра возрождения. Часть 1

«Издательские решения»

Кремнев Г. А.

Эра возрождения. Часть 1 / Г. А. Кремнев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905256-8

Грядут перемены. Мудрецы твердят об этом, не один год. Пророчество сбудется. И мир что мы знали изменится до неузнаваемости. Вернётся магия и расставит всё по своим местам. Игра что зашла в тупик, начнётся с начала. Марку предстоит быть одной из главных фигур в игре богов и стать первым колдуном новой эры. Эры возрождения магии.

ISBN 978-5-44-905256-8

© Кремнев Г. А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Последний колдун	6
Тысячи лет спустя	7
Пробуждение	9
Несчастный случай	11
Суд	18
Встреча	22
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эра возрождения Часть 1

Глеб Александрович Кремнев

Иллюстратор София Максимовна Валдаева

Дизайнер обложки Ярослав Александрович Кремнев

Корректор Ольга Николаевна Кремнева

Корректор Александр Валентинович Кремнев

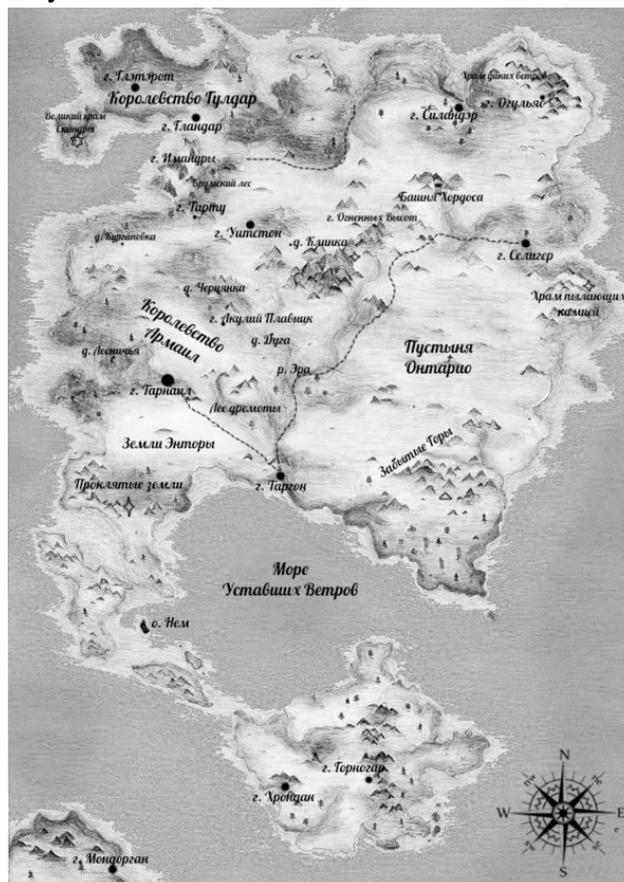
© Глеб Александрович Кремнев, 2019

© София Максимовна Валдаева, иллюстрации, 2019

© Ярослав Александрович Кремнев, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4490-5256-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Последний колдун

– Я стар, моё время подошло к концу. Со мной за руку во свет отправятся последние крупницы магии. Её почти нет, она, как дымка раннего утра, исчезнет при первых лучах солнца. Я вижу то, что скрыто от глаз. Слышу звуки, крадущегося к нам, рока. Пелена времени стала прозрачна. Меня никто не услышит. Всё так просто, что никто не поймёт. Я запутался сам. Но уже всё неважно. Закрываю дверь. Отправляюсь в даль. Я не буду ждать приглашения в путь. Сам я шагну в пропасть времени.

Стоп!

В городе Тарнаил в огромных залах дома Адольтонов, доживал свои годы когда-то великий колдун. Имя его не помнит никто. Он, сидя на троне в тот день, шептал что-то себе под нос. Рядом слуга, не вдаваясь в подробности, выполнял доверенную ему работу, а именно, следить за стариком и выполнять разные его поручения. Старый маг поманил его рукой.

– Сынок, принеси мне воды и захвати мою старую палку.

Парень быстро выполнил просьбу старика, вручив ему всё вышесказанное. Маг выпил всю воду залпом и отдал слуге пустой кубок.

– А теперь отойди в сторонку, я хочу встать.

Прежде чем слуга успел что-либо возразить, старик ударил посохом о пол. В зале громынуло, будто ударила молния, некоторые стёкла вылетели, а по полу пошли трещины. Слуга в ужасе покинул зал. Старый волшебник собрал все свои силы в кулак, понимая, что это его последний рывок. Последствия уже не важны для него. Он уже, можно сказать, умер. Он встал уверенно, не как старик, а как колдун, который вышел на бой. Голос, прозвучавший в том зале, был наполнен силой, звучал громко и ясно, отражаясь от стен зала эхом, и, как бы, стоял в воздухе.

«Тот, кто другим помогает и лечит, роком событий будет отмечен.
Случай несчастный положит начало, мир сойдёт с пути своего,
Когда застынет пламя судьи, получит хаос от мира ключи,
Вырвется сила из недр дремучих, и в каждую щёлку проникнет
она».

По мере произнесения, на каменном полу выжигались его слова, образуя изящные символы с удивительными узорами, которые останутся здесь на века и будут напоминать, что когда-то жили на свете могучие колдуны. Секунду ничего не происходило. Потом посох выпал из размякшей руки колдуна, с глухим звуком упав на пол. Его глаза остекленели, и мёртвое тело старика рухнуло на трон. Всё стихло. Только пол немного потрескивал, и кое-где поднимался лёгкий дымок.

Так умер последний колдун королевства Армаил.

Тысячи лет спустя

– Мне надоело это всё, – идя прогулочным шагом по мостовой, говорил с виду обычный, ничем не примечательный, молодой человек. Одет он не в богатые одежды, как принято у местных жителей этого района, а в обычную свободную рубашу и кожаные штаны. Чего не сказать о его спутнице... Она была прекрасна! Золотое платье, перехваченное чёрным пояском, на голове шикарная дамская шляпка с широкими краями. В руках она держала цветок, подаренный ей молодым человеком. – Мне скучно!

– Арадон, ты забыл, как мы развлекались? помнишь..., – тонким голосом говорила она ему, – когда ты развязывал драки, как наводил смуты, путая все карты... А, вспомни великую битву Освобождения... Мы с тобой были там, как малые дети, окружённые игрушками. Ты тогда был такой..., – она не договорила.

Парень вздохнул.

– Помню, конечно, но когда это было? Сейчас такое уже невозможно. Посмотри на них. Они уже не те, что раньше. Где тот огонь? Потух. Может они мне приелись?

– Ну, не всё же так плохо... Ты давно не занимался своими делами, может они всколыхнули бы тебя?

– Не хочу! Я, вообще, ничего не хочу последнее время.

– Тебе ещё нужно выбрать, желательнее быстрее.... А то, как-то, нехорошо получится. Ты же их знаешь.

Они вышли на площадь. Там была уйма народу, живущего повседневной жизнью, проходящего мимо по своим делам и незамечающего парочку.

– Думаешь, им это нужно? Никто не захочет такой участи.... Мне их жаль, – он сделал жест рукой, указывая на людей.

– А ты, спроси, – настаивала девушка.

Он глянул на неё озадаченно, представляя то, что она предложила. В это мгновение на него налетел, нёсшийся мимо, парень, не заметив их и чуть не сбив с ног. Девушка засмеялась.

– Простите меня, это случайность! Сегодня я сам не свой, – прохожий пытался извиниться.

– Успокойтесь! Вы нам не помешали, скорее даже, наоборот..., – поправляясь, ответил Арадон.

– В таком случае, не буду тратить ваше время. Я немного спешу.

– Стойте, позвольте задать вам вопрос? – Бросая взгляд на девушку, попросил Арадон.

– Если это не отнимет много времени, – прохожий немного в растерянности пожал плечами.

– Мою спутницу зовут Скандра, а меня Арадон, вас...?

– Марк, – неуверенно ответил незнакомец.

– У нас небольшой, так сказать, эксперимент... Можно узнать какую должность в будущем, вы бы хотели занять, если бы вас ничего не ограничивало?

Марк задумчиво поднял глаза вверх. Сложно сказать, что точно он тогда подумал, возможно, вспоминал, как его заваливали на недавних экзаменах, возможно, как склоняли к коррупционным сделкам, от которых он всё-таки отказался, решив испытать свои силы. А может, перебирал в уме должности. Но то, что он ответил, удивило и заставило округлиться глаза у его собеседников. Скорее всего, он и сам от себя такого не ожидал.

– Я бы был тем, кто навёл бы порядок здесь. Согнал бы жирных и прогнивших негодяев с их насиженных мест. Дал бы воздух обычным людям, которым не посчастливилось оказаться в нужном месте в нужный час. А сейчас, позвольте, мне пора идти, я тороплюсь, – он улыбался,

видя их реакцию. Вогнал в смятение, ничего неподозревающих, людей. Он довольно часто так делал, его это забавляло, – до свиданья.

Арадон смотрел вслед удаляющемуся Марку, а потом глянул на Скандру.

– Это твои проделки?

– Что ты, я самая невинная ромашка в этом королевстве, – она приложила ладони к своим розовым щекам.

Арадон задумался, будто перед ним стояла шахматная доска, и его ожидал сложный ход.

– Мы можем стоять тут столько, сколько ты захочешь, но от этого едва ли будет толк, – она положила ему руку на плечо, – да, и этот парень показался мне довольно милым.

Ухмылка напозла на лицо Арадона.

– Ладно, можно попробовать, – сказал он сам себе, – пускай, будет он.

Скандра заглянула ему в лицо.

– Я знаю эту ухмылку, ты что-то придумал. Ух, надеюсь, будет так же весело, как и в прошлый раз, когда я наблюдала у тебя это выражение лица.

– Пойдём, – протяжно сказал он, – всему своё время.

Пробуждение

Есть места, куда пробраться сложно, есть те, куда добраться нельзя, но, все же, возможно. А есть такие дали, где нет места даже для эмоций. Там обитают духи: те, что выполнив свой непосильный долг, обретают, хотя и не на веки, долгожданный сладостный покой, но есть и те, что прибывая там, пытаются забыться, унять то чувство, что хуже рыбной кости в горле.

Он там дремал и не желал возврата, покуда цель его была не выполнима, так он считал, пока ему не нашептали, как сделать то, к чему он так стремится. Тогда решился он вернуться. Ощувив края, что были так ему знакомы. Нахлынули эмоции, копившиеся много лет. Он, возрождаясь, не произносил ни слова. Но его мысли разносились далеко, по тонким нитям тихого эфира, и твари, что имели честь услышать, содрогались, испытывая глубочайший жгучий страх. Он слишком долго пребывал среди не телесных тварей, потому и мысли звучали как стихи:

Вы тут – назойливые мошки!
Я слышу вас. Я здесь уже давно.
За тыщу лет во тьме моё сознание,
Как в колыбели чует тишину.
И шепчет тихо оно мне,
«Настало время перемен»
и гнев огнём горит внутри.
Он тяжестью лежит на мне,
и жажду я сильней всего,
сорваться огненной стрелой.
Я с неба, принеся огонь,
обрушусь яростной волной.
Падут твердыни и дома.
Сгорят деревни и поля.
Молясь, вы вспомните богов,
но боги больше не придут,
они про вас совсем забыли.

Века прошли, их не вернуть.
Зовут меня играть они.
Гамбит мне надо воплотить,
а это, быть пока в тени,
и ждать начало для конца,
приход гостей в мои края.
Я помогу вам осознать,
что ваша плоть лишь скорлупа,
и хаос наведёт порядок,
испорченный когда-то правотой.
Я сделаю, как было раньше,
когда мир молод был, благоухал.
Его цветами были мы, тогда,
Гармонию хранили, берегли.
И вас не знал я, запаха не чуя.
Я глупый был, ошибку допустил,

и в этот час, расправлю крылья,
и ветер призову.
Друг мой, помощник и слуга,
неси меня, нас ждут великие дела.

Несчастный случай

Я безумно люблю дождь. Он несёт жизнь всему, в виде драгоценной воды. Она впитывается в землю, течёт по мостовой, замирает в лужах и висит в воздухе, делая его приятным для дыхания.

Вот и сегодня идёт дождь. Я шел и не боялся промокнуть. Наоборот, я шел не торопясь, смотрел, как он делает свою работу. Мы с ним чем-то схожи, в такой день мне не хотелось работать. Вообще. Идя по каменной плитке тротуара и думая о дожде, я не спешил на работу. Несмотря на стену дождя, до меня доносились запахи парфюма, свежееиспечённого пирога, грибов, каких-то сладостей. Улица кипела жизнью. Вот чуть поодаль, шлёпая по лужам в огромных сапогах, топают девочка. Верно она очень замёрзла. Малышка прижимала к груди некий свёрток. По роду своей профессии мне приходилось с ней сталкиваться, её привозили ко мне в беспомощности, ногой она провалилась в какую-то ловушку здешних охотников, сразу выбраться не смогла. Местные жители вовремя подоспели – ещё немного, и бедняжку бы скушали волки. Пройдя мимо меня, Малли поздоровалась, в кулке я увидел котёнка. Несмотря на дождь, жители бегали от дома к дому, прикрывая голову. Накануне праздника освобождения все прибывали в хорошем расположении духа, суэта поглотила весь город. В окнах можно было увидеть мужчин, начищающих ружья до блеска. Местные мужчины любят давать залпы в воздух во время празднования, дабы отпугнуть злые силы. Празднику уже несчётное число лет, легенды ходят из уст в уста, обрастая всё новыми красками. Ну скажите, кому захочется в такой день на работу?

А вот и он – дом Белого Листа, моя работа. Подойдя к зданию, я вздохнул, поднялся по ступенькам и открыл входную дверь. Вы думаете, что сейчас должно что-то произойти? Нет, всё окажется намного прозаичнее. Я протопал мимо дежурной медсестры, поприветствовал её лёгким кивком головы и сразу спросил:

– Ну что? Всё тихо?

– Да, как всегда, мистер Гольер.

– Как там больной с отравлением?

– Пришел в себя. Он всё ещё удивлён, «как такое могло произойти?» – последнюю фразу она сказала на манер пострадавшего, изобразив глупую мину на лице.

Бедняга, решивший поставить вино в домашних условиях, спутал ингредиенты и вместо сахара, всыпал в месиво адсорбирующий порошок. Когда его вино стало густеть, он не придумал ничего лучше, чем попробовать самодельную гадость.

За время своей работы я насмотрелся таких индивидуумов... Женщина, у которой монетка упала в сток, умудрилась вывихнуть себе два пальца, когда пыталась достать её. Мальчик, полезший на крышу, скатившийся оттуда по черепице на попе, ободравший её же, упал на карету. Бабушка-божий одуванчик, замахнувшись клюкой на пьянчужку, дабы проучить его, застыла со своим посттравматическим полиартритом. Её так и привезли ко мне, как памятник бабушке-поучительнице, клюку она не выпускала до последнего. Ай, всего не перечислишь. За этими мыслями я и не заметил, как вернулся к себе в кабинет. Надо было приготовить пару отчётов и немного прибраться. Я глянул на часы: до начала рабочего дня ещё целый час.

«Зачем я так рано пришел? Неужели вся моя жизнь так вот и пройдёт, в этом вот самом кабинете?» -неожиданно подумалось мне. – «Мне это уже так надоело, да и нутром чую: не моё это!»

Я тихонько подошел к столу, сел, закрыл глаза, расслабился, и желание что-то делать совсем отпало. Черт с ними, этими отчетами, пусть сами заполняют бумажки эти бестолковые! Даже мысли о них вызывают у меня рвотный рефлекс. Пусть делают мне выговор, я предпочту послушать ругань в мой адрес и пропустить всё мимо ушей, чем это, и я брезгливо отодви-

нул бумаги от себя. Хотя была одна возможность избежать и того и другого – если бы кто-то ворвался сюда со срочным делом – но это маловероятно в столь ранний час, в дождь, да и праздник на носу, хотя, я все же в надежде глянул на дверь. Тихо, даже шагов не слышно – значит на чудо рассчитывать не стоит.

– Тогда, – сам себе сказал я, – только в целях профилактики.

Я выудил из глубин тумбочки бутылёк с настойкой на дубовой коре, подаренный благодарным пациентом, оглядел.

– М-да! – бутылочка запечатана пробкой, а у меня нет ни штопора, ни ножа.

Я стал оглядывать кабинет в поисках того, чем можно было поддеть или, на худой конец, протолкнуть пробку во внутрь. На выручку пришли ножницы. В нос ударил резкий запах, от которого я сморщился, но рассчитывал, что от этого мне станет легче перенести сегодняшний день. Я выдохнул и прислушался. Шаги! Уверенные, быстрые – так больные не ходят. Секунда, и я различал как минимум трех человек, чьи шаги приближались. В дверь быстро постучались и тут же открыли, не дожидаясь ответа. Бутылочка была предусмотрительно убрана восвояси, я ещё успел взять в руки перо и придвинуть к себе документы.

– Марк Гольер? – вопросительно сказал военный человек, одетый по форме, довольно хорошо сделанной, видимо, именно на этого человека. – Меня зовут Теонард, я служу графу Доргри, мы к вам по важному поручению от него. Его сын Дари сильно болен, а наши лекари ничего сделать не могут.

– Вы хотите, чтобы я всё бросил и поехал с вами? Я вас правильно понял? – Не то чтобы я не верил в чудеса, но, видимо, боги меня услышали. Но нельзя вот так сразу ехать: подумают ещё, что я тут совсем без работы.

– Всё правильно поняли, – ответил Теонард.

– Мне нужно закончить с документами, да и рабочий день скоро начнётся: мне нужно быть здесь.

– Мы позаботимся об этом, в доме Белого Листа найдётся кому этим заняться, а что касается вашего отсутствия: Граф Доргри написал письмо вашему настоятелю Фестальфу, он не будет против.

– Ну если сам Фестальф не будет против, тогда в дорогу.

Фестальф непосредственно главенствовал надо мной, и, если кто бы и сделал мне выговор, то это был бы он. Выходил из кабинета я с плохо скрываемой радостью: день начинается более чем удачно, чего не скажешь о его конце. Во дворе нас ждала карета, мы с Теонардом залезли внутрь, а его сопровождающие поехали снаружи. Внутри было довольно-таки уютно: горели масляные лампы, стояли мягкие сиденья. Занавески синего цвета с гербом графства Доргри представляли собой изображение химеры: лев с крыльями и хвостом змеи. Я тихонько потрогал ткань – шёлк, – на моё жалованье такое себе не позволишь. Потом я снова посмотрел на химеру, вспоминая мифы – что-то такое я помнил про неё интересное, но забыл. Ехали мы довольно долго, за это время я успел расспросить Теонарда, что делал, что ел, где был Дарис весь вчерашний день. Оказалось, что у него довольно плотный график, и ездил он по всему нашему городу Тарнаилу; и где только не был: заезжал во множество лавок, посещал трактиры, порой просто катался по улицам, гулял по садам, проводя там не больше часа, и снова в дорогу. Ещё Теонард сказал, что это у него не часто, иногда он проводит весь день дома в поместье, а иногда вот так вот ездит почём зря. Я не сильно вдавался в жизнь этих богатеев, так что ничему не удивлялся и был серьёзен. Потом я расспросил о симптомах. Оказалось, он лежит и не встаёт, иногда его бьёт озноб, не ест, не пьёт. Вот тут я немного не вразумил, я мало что слышал о таком, а сам не сталкивался. Ладно, я скривил недоумённое лицо, на месте будет виднее. Пока рано что-то говорить. Поместье было по-настоящему большим, находилось за городом, во дворе пахло лесом, огромный фонтан перед входом не функционировал: обычно такие запускают, только когда ждут важных гостей – я, видимо, не важный гость. Мы быстро зашли

в дом. Меня проводили по коридорам через несколько роскошных залов в покои Дариса. Дарис был юн, мальчишка лет семнадцати, он лежал на большой кровати с занавесками, был укрыт тёплым одеялом, несмотря на духоту в помещении; на маленьком столике стоял несъеденный завтрак, недурно так приготовленный: омлет, драник и красивый на вид кусочек творожного торта, ну и остывшая чашка кофе с сырной лепёшкой. Я подошёл к кровати, скинул одеяло, поднял руку Дариса, – он даже на меня не взглянул, – вытащил из кармана часы и засёк время.

– Он сегодня всё время так? – спросил я у Теонарда, он стоял позади меня.

– Да, всю ночь и даже к завтраку не притронулся. Когда принесла завтрак тоже не вставал? – Последние слова были адресованы не мне: в дверях стояла служанка, которая, видимо, и принесла завтрак.

– Нет, Сэр, – тихонько сказала она.

– И больше не вставал, и внимание ни на кого не обращал, ну вы и сами видите, какой он, – закончил Теонард.

Дарис лежал прямо в одежде, на груди был тот же герб Химеры. Опять я копаюсь в подсознании, пытаюсь вынуть оттуда подробную информацию об этих существах, вместо того, чтобы работать. Я собрался, проверил глаза, температуру, попросил служанку принести тару с холодной водой и чистую тряпку. Открыл свою сумку со стандартным набором оказания первой помощи, ну и с другим моим барахлом, которую предусмотрительно взял перед отъездом, и нашёл там уксус. Вообще-то я начинал догадываться что тут к чему. Обычно, исцеление больных мне давалось довольно легко: всё делал так, как меня научили. Все знания работали, как и должны, и эффект давали такой, какой нужно. Хотя были случаи, когда я пользовался эффектом плацебо, проще говоря самовнушением, и, на удивление, мне всё удавалось лучшим образом. Если я, давая отвар шиповника, говорил, что это лекарство от жара – жар как рукой снимало, давая страдающему скушать пастилу, которую сам очень люблю, уверял что снимет боль – боль уходила за несколько минут. Но этот случай был не из таких. После того как я приложил мокрую тряпку с уксусной водой и уже хотел дать служанке указания, что ей придётся делать, у Дариса широко открылись глаза, и он выгнулся, видимо, испытывая очень неприятные ощущения или сильную боль. Я решил, что боль, достал из сумки настойку опиума и велел Теонарду придержать Дариса, пока я буду давать ему обезболивающие. Сам положил руку на его грудь, прямо на свирепо выглядывающую химеру, и вспомнил, что у неё самый смертоносный яд: «Хотел бы я его изучить. Ну вот опять я не о том думаю.» После принятия настойки прошло полминуты, Дарис успокоился. Быстро же она действует, не успел я об этом подумать, как заметил его взгляд полный страха. Он что-то пытался сказать, но не смог, издавая какой-то тихий хрип.

– Что с ним?! – Теонард, уже не сдерживая тревогу, почти что крикнул мне.

– Сильное наркотическое опьянение, но с ним точно что-то ещё. – Для себя я поставил диагноз: Дарис перебрал с дурман травой, хотя где он её достал, ума не приложу. С таким я ещё не сталкивался на практике, но слышал, что день, самое долгое два дня в кровати, и от болезни не останется и следа. Все симптомы указывали на это, но такого эффекта я не ожидал.

– Что?! Это исключено, я почти всегда был при нём, да и он не посмел бы, отец убил бы за такое.

– Да что такое?! – Я не знал, что делать. Я наблюдал, как Дариса била сильная дрожь, глаза начали закатываться, почти сразу пошла пена изо рта. Я быстро вставил сложенную в двое ручку моей сумки ему в челюсть, чтобы рот был открыт, начал убирать пену, дабы не дать захлебнуться. Спустя минуту борьбы, Дарис перестал сопротивляться и обмяк, я проверил пульс – умер.

Прошло два дня, я сидел в специальной камере для тех, кто ожидает суда. Меня обвиняли в убийстве и ещё в хранении каких-то сильнодействующих ядов. Бред какой-то, какие яды? Я в жизни ни разу в руках яда то не держал, неговоря уж о сильнодействующих. Скорее всего

слухи, всё-таки смерть сына графа Доргри походила на отравление, но это же не так. Почему меня тут так долго держат? Опытный врач смог бы определить истинную причину смерти в два счёта и снять с меня все обвинения, тем более те, что касаются ядов. Может быть это его отец постарался, он всё-таки влиятельный человек, мог потребовать доскональной проверки. Но смысла держать меня тут, я не вижу – в конце концов я же не убегу.

Я померал тут со скуки. Стражник за дверью никак не хотел со мной общаться. Да и пристанище моё представляло из себя четыре кровати, четыре тумбы, маленький столик и зарешеченное окно. Это помещение мне напоминало некоторые палаты, в доме белого листа, в основном использовавшиеся для тех, кто совсем слетел с катушек и не поддавался восстановлению. Меня только изредка выводили из этой «палаты» и то, только после моих убедительных просьб о том, что мне очень нужно по нужде. Но даже в эти моменты стражник, что был ко мне приставлен, не отходил от меня ни на шаг. Окна выходили на внутренний двор тюрьмы. Да я в тюрьме! Но только в качестве подозреваемого. Я очень надеюсь, что это не продлится дольше недели.

Я стоял у окна, когда на меня накатили эти мысли. За два дня я хорошо запомнил местоположение, если можно так сказать или выразиться, мебели в этой комнатухе, потому, сделав два шага назад, мог смело садиться на кровать, что я и хотел сделать, но после первого шага я услышал хруст, который заставил меня отпрыгнуть обратно к окну.

– Мать!!! – крикнул я.

Я не заметил и наступил на голову огромной двухвостке, и то, что я так быстро отпрыгнул, спасло мою ногу от её огромных ножниц на конце её тушки. Без преувеличений, она была толщиной с моё запястье, и длинной почти в три дюйма.

– Охрана! – крикнул я, рассматривая ещё тихонечко дёргающуюся тварь.

Охранник отпер дверь со словами: – Что опять? ты больно... – не успел договорить он.

– Да чтоб мне на копьё висеть! Это кто? – спросил он у меня.

– А я откуда знаю? Это ваша тюрьма.

– Мёртвая?

– Кажется да, я ей на голову случайно наступил – меня аж передёрнуло.

Охранник достал маленький кинжал, из ножен прикреплённых на поясе, и потыкал насекомое.

– Ну что, так и будим стоять, или пойдёшь, доложишь своему начальству, что меня тут чуть ваши тараканы не съели, да и когда уже меня отсюда выпустят? Спроси!

– Ладно, подожди пока, я скоро вернусь. – Он был так удивлён, что забыл закрыть дверь, когда ко мне входил. Хорошо, не забыл закрыть, когда выходил.

– Надеюсь, тут у вас не много таких? – с опаской спросил я его в след.

– Первый раз вообще такое вижу, – уже закрывая дверь, ответил охранник.

Стоя у окна, я так и сверлил глазами дверь. Повезло мне, а если бы она меня цапнула – мог лишиться ноги. Поди ещё и ядовитая. Я медленно перевёл взгляд с двери на двухвостку.

– Да чтоб тебя!!! – вырвалось у меня, – Где?

Честно, я всё аккуратно обыскал, готовый в любую секунду отпрыгнуть назад. Там, где я её раздавил, лежало немного дорожной пыли и всё. Раздался скрежет открываемого замка. Я повернул голову, в комнату быстро зашёл главный надзиратель и так же быстро оглядел комнату глазами. Не найдя ничего подозрительного, его взгляд задержался на мне.

– Значит нам тут не нравится, да? – в его голосе была нескрываемая издёвка, – Таракашки нас пугают?

Вот встрял. Но лучше уж он, чем она и живая.

– Ну ничего, мы быстро исправим эту проблему, – продолжил надзиратель.

За его спиной в комнату зашёл стражник, тот, что караулил меня эти два дня.

– А тебе что, простое задание доверить нельзя?

Видимо, не одному мне сегодня достанется.

– С такой ерундой не можешь справиться? – у надзирателя начали краснеть глаза, – а сейчас отведи нашего гостя в седьмую камеру, а потом живо ко мне.

– Так точно, капитан.

Охранник встал, как при команде смирно.

Нет, ну не всё так плохо. Я хотя-бы в целости и сохранности, моё новое пристанище выглядело куда хуже, чем предыдущие. Солома на полу, окон нет, и ржавые прутья, отделяющие меня от коридора. Видимо, это место для особо провинившихся заключённых. Но меня никто не охранял. И в самом деле, зачем? Куда я отсюда денусь? Дверь в конце коридора открылась, ко мне шёл человек и нёс, как я догадался, мой ужин. Ну наконец-то, а то я сутра ничего не ел. Кормили тут скудно, в этом я на всю жизнь убедился. Не дойдя пару шагов до моей камеры, человек споткнулся, и вся его ноша с глухим звуком шлёпнулась на каменный пол.

– Ну извини, что-то я сегодня неуклюжий, – произнёс он, хмыкнув и развернувшись начал уходить, – ах да, приятного аппетита.

– Спасибо, – процедил я сквозь зубы.

– Я не тебе, я крысам, – ещё раз ухмыльнувшись он ушёл.

Это был мой новый охранник. Не очень дружелюбный, но вежливый. Чтоб у него горло всю жизнь болело.

Суд мне назначили на пятницу. Замечательно, субботу проваляюсь дома, на работу точно не пойду. Надо загладить все мои приключения. Плохо только то, что сегодня всего лишь среда. Ещё два мучительных дня, благо, за это время, кроме крыс, в мою камеру никто не залазил. Хотя, судя по их безжизненным телам, в коридоре им тоже здесь жилось не сладко.

Моего нового охранника звали Эогонд, это он сообщил про суд. Следующие два дня он приходил утром и вечером. Еду он всё-таки научился доносить до цели. Хотя, если серьёзно, это у них вроде традиции такой -первая чеплашка на пол.

В четверг утром ко мне пришёл посетитель. Мы не были с ним раньше знакомы. Он походил на служителя местных храмов, по крайней мере судя по одежде: коричневая ряса с белым воротником, подпоясанным кожаным поясом с кисточками. При нём больше ничего не было, даже посоха, без которого не обходится ни один служитель. Его лицо было всё в морщинах, очень усталый вид. К сожалению, хорошо его рассмотреть мне помешал полумрак подвала.

– Здравствуйте, я вас знаю? – сонным голосом спросил я.

– Тебе повезло, Марк, даже дважды повезло, – злобно процедил он сквозь зубы, – скажи спасибо своему сторожу.

– Что? Кто вы? – приподнявшись с пола спросил я.

Меня начали сильно пугать новые знакомства.

– До встречи, – он быстрыми шагами направился к выходу.

В конце коридора, сквозь приоткрытую дверь, за всем происходящим наблюдал Эогонд.

– Как вас зовут? – крикнул я в спину уходящему гостю.

Он остановился, немного подумав, и даже не обернувшись, произнёс:

– Наумад, меня зовут Наумад. – что-то в его голосе вызывало у меня тревогу, и по телу побежали мурашки.

Незнакомец ушёл. Дверь за ним захлопнулась, и я остался в недоумении, один на один со своими мыслями.

Настал день суда. Рано утром мне принесли чан с водой и чистую одежду. Я с наслаждением умылся, первый раз за дни своего заключения. Потом меня заковали в кандалы и вывели из подвалов под охраной уже знакомого мне стражника Эогонда. Проходя мимо приоткрытого окна в коридоре, в мои изголодавшие лёгкие проник свежий воздух, голова закружилась. Я немного сбавил шаг, дабы насладиться этим как можно дольше, но увы. Мы торопились. Солнечный свет радовал и слепил глаза. Давненько я так не радовался, сегодня должно всё прояс-

ниться, и я снова стану обычным доктором. Буду по утрам ходить в мой любимый дом листа, приветствовать медсестер и своих коллег, принимать больных. С одной стороны, даже хорошо, что со мной всё это приключилось, как говорится: «пока не потеряешь, не поймёшь». Надеюсь, вторая часть поговорки ко мне не относилась: «а потеряешь не найдёшь». Знай я тогда, что это всё выйдет таким боком, ни за что бы не согласился на эту поездку, заполнял бы документы спокойно сейчас и в ус не дул.

Нас ждала специальная телега, оборудованная для перевозки заключённых, своего рода коробка на колёсах. Но я не жаловался, не хотел, чтобы на меня смотрели прохожие, пока мы едем до дома суда. Эгонд залез со мной вовнутрь. При дневном свете я хорошо смог его рассмотреть: он был выше меня на голову, хорошо сложен, крепкие руки. На его поясе висел меч, рукоять была замотана старой тканью по самую гарду. Странно, обычно воины гордятся своими мечами. Несмотря на тёплую погоду, на него был накинут самый обычный бордовый плащ.

Усевшись в телегу поудобнее, я решил скрасить путь безобидной беседой.

– Эгонд, – начал я, – можно у тебя поинтересоваться?

Собеседник отвлёкся от изучения пола в повозке и приподнял свои глаза на меня.

– Что тебя заставило стать стражником, вам же платят гроши, а с твоими характеристиками ты спокойно можешь пойти в королевскую стражу, к примеру.? – в ответ я ожидал какой-нибудь издёвки, но...

– На этот вопрос, я не могу ответить однозначно, но могу точно сказать, что моё место тут, – без колебаний ответил он.

Что-то в его голосе поменялось, я это точно почувствовал. Он обычно либо шутил, либо дразнил, а сейчас был спокоен и рассудителен. Я решил этим воспользоваться и, возможно, разузнать о том странном человеке, что приходил давеча ко мне.

– А тот странный посетитель, кто он?

– Он мне не знаком, но у меня есть догадки, зачем он приходил. К сожалению, об этом я не в праве рассказывать пока, – чуть тише ответил Эгонд.

Не в праве? Что за секреты ещё? И почему он сбавляет тон: боится, что кто-то услышит?

– Ты думаешь, что нас кто-то может подслушать? – я специально сказал это немного громче.

Мы уже ехали по каменной мостовой, и шум колёс заглушал всё вокруг. Да и сидели мы почти что в коробке, поэтому, даже если я заорал бы во весь голос, единственным человеком, кто меня услышал, был бы как раз только мой стражник.

– Я не думаю, я уверен, – коротко ответил он.

У меня начали округляться глаза.

– Но не волнуйся, – после недолгого молчания продолжил он, – всё произойдёт, как и задумано, я это знаю, а тебе советую расслабиться и не волноваться, если что – я помогу.

Я прислонился к стенке и совсем впал в ступор. Поможет? О чём он болтает? Его дело только следить, чтобы я не куда не делся. Или это какой-то очередной юмор, каковой я совсем не понимаю? В общем, я не стал загружать голову моим странным охранником и предпочёл молчание.

Повозка остановилась, послышался звук вытаскиваемого засова снаружи, а потом, возможно мне показалось, сдавленный хрип.

– Прибыли, – произнёс я и попытался встать, но Эгонд придержал меня за плечо.

– Подожди, кажется нас встречают, – на его лице показалась ухмылка.

Он аккуратно открыл дверь повозки, и тут же в неё залетела стрела и воткнулась в заднюю стенку, прямо перед моим лицом, заставив меня вздрогнуть. К повозке направлялся тот самый монах, по дороге отбрасывая лук в сторону и обнажая полторный меч, держа его двумя руками. Эгонд вылез из повозки и вытащил свой меч, а в свободную руку взял нож.

- Отойди воин, – прошипел Наумад. – я пришёл не за тобой.
- Мне всё равно, – безразлично ответил Эогонд.

И после этих слов сразу пошёл в наступление. Звякнули мечи. Честно говоря, красивее поединка я не видал за всю свою жизнь. Но в тот момент я об этом не думал, а просто смотрел. Никогда бы не подумал, что монахи так умеют владеть мечами: он пытался достать Эогонда с разных сторон, но воин не давал малейшего шанса на это. Крутясь волчком, отбивая все удары, он успевал ещё сокращать расстояния, заставляя монаха сдать позиции и начать отступать назад. И вот монах для очередного удара занёс меч над своей головой, как в его горле оказался нож Эогонда. Меч Наумада со звоном упал на каменную мостовую, так и не отведав ничей плоти. А у проигравшего монаха, схватившегося обеими руками за свою шею, сполз капюшон, обнажив его почерневшее лицо, и от гнева кровью налитые глаза. Он что-то пытался сказать, но так и не смог, рухнув рядом со своим мечом.

Суд

– Спасибо. – Поблагодарил я Эгонда, вылезая из повозки.

А он только коротко кивнул головой. Я, видимо, сильно ошибался на его счёт, он разбил в пух и прах все мои представления о нём. Но всё же, чем я так насолил этому монаху? Он убивал стражников ради того, чтобы просто освободить меня? Он явно поступил бы со мной так же, как и с этими бедолагами, что лежали сражённые его стрелами прямо у нас под ногами.

– Пошли, суд вот-вот начнётся. – Эгонд, подталкивал меня рукой.

– Но как же... – пытался возразить я.

– Городская стража о них позаботится, вон бегут уже, – махнул он рукой в сторону приближающейся группы стражников.

До начала суда оставались считанные минуты. Мы быстрым шагом проследовали внутрь здания. Прошли по мраморному холлу, где сидели какие-то люди в дорогих одежках, прошли мимо двух огромных ваз, обильно наполненных растущими цветами, поднялись по лестнице, прошли коридором и остановились около маленькой двери.

– Ну, удачи! – неожиданно пожелал мне воин и открыл для меня дверь.

Я очутился в специальной зарешёченной зоне, для осуждённых. Все уже были на своих местах. Граф Доргри вместе со своим начальником стражи Теонардом, что приехал ко мне в тот злополучный день. За ними тихо, как мышка сидела служанка, которой тоже довелось узреть этот несчастный случай. Ещё один человек, которого, я ни разу не видел, сидел в темно синем камзоле и читал какие-то бумаги. Судебные советники занимали свои важные места по правую сторону от судьи.

Граф был спокоен, даже не обратил на меня не какого внимания, когда я зашёл. И, вообще, не был похож на того человека, который станет марать свои руки мезьей.

Я сидел и рассматривал зал, в котором ни разу не был, да и надеюсь, больше сюда не попаду. Зал был превосходно красивым. По стенам висели декоративные, бордовые шторы с золотыми кисточками. Стол судьи был выполнен из лакированного красного дерева со светлыми вставками. Две громадные люстры с бесчисленным множеством зажжённых свечей. Здесь должен быть специальный человек, который за этим следит, меняет и зажигает каждую свечку. Разглядывая все подряд, я пытался отвлечься от происходящего.

Через несколько минут всё прояснится, и я с чистой совестью отправлюсь домой. Эгонд зашёл через другую дверь и встал около решёток рядом со мной. Парадные двери зала отворились, и зашёл Судья. В длинном кудрявом парике, в красивой, ярко синего цвета мантии, украшенной золотыми окантовками и большим, почти на всю спину, знаком весов вышитых золотыми нитями. За ним плёлся худощавый пожилой человек, несущий огромную книгу, чернила и перо. Писарь, будет записывать всё. Они прошли сквозь зал и заняли положенные места.

– Объявляю суд открытым, – после этих слов он стукнул молотком по столу, да так громко, что бедная, и так напуганная до предела, служанка тихонько пискнула, окончательно побледнев.

Судья не глядя протянул руку писарю, что его сопровождал, и тот вложил в неё какие-то бумаги. Судья по всему, документы о моём деле. Он быстро пробежался по ним глазами. Потом отложил их в сторону, придавив своим деревянным молотком. Затем дал знак, кивком головы Эгонду. Он открыл мою камеру и сопровождал меня к специальной тумбе, располагавшейся по левую сторону от судьи.. Другую тумбу, справа, занял тот незнакомый человек, что сидел возле графа.

– Положите руку на книгу. – Попросил судья.

И правда на тумбе лежала книга с надписью большими буквами «Закон». Я выполнил просьбу.

– Клянётесь ли вы говорить только правду? – продолжил судья.

– Да! – ответили мы почти хором.

– Тогда начнём, – служитель закона вздохнул и посмотрел мне в глаза. – Марк Гольер я полагаю?

Я кивнул.

– Расскажите подробно, что случилось в тот день, когда скончался покойный Дарис.

Я подробно рассказал, что было, нечего не утаив. Весь рассказ занял у меня немного времени, все слушали и никто не перебивал.

Судья кивнул, посмотрел на писаря и подождал, пока тот закончит скрипеть пером.

– Теперь вы Мистер Лиогри. – обратился судья к незнакомцу.

Лиогри представлял сторону графа и имел функцию обвинителя.

– Мистер Гольер, вы знаете, что это такое? – он достал из кармана мешочек, из которого извлёк склянку. Я узнал мою настойку опиума.

– Да, конечно узнаю, это обезболивающие, которое я иногда даю своим больным, дабы они не страдали от боли, возникшей по тем или иным причинам, не задумываясь, ответил я.

– Отлично, эта колба принадлежала вам?

– Да, а что с ней не так? – мне что-то стало не по себе.

– С колбочкой всё нормально, – он перевёл взгляд с меня на судью и продолжил, – после смерти мистера Дариса, эту колбу с её содержимом передали для изучения специалистам, которые постановили, – он снова запустил руку в карман и извлёк бумагу, – Зачитываю: в колбе обнаружен сильнодействующий яд, единственный в своём роде. Не имеет запаха, легко растворимый, прозрачный.

Лиогри протянул бумагу судье, тот пробежал по ней глазами и передал назад советникам.

– Чем вам так насолил мистер Дарис? Или вы отравили его случайно? – судья обратился ко мне.

У меня сердце упало в пятки.

– Господин судья, на тот момент в колбе не было никакого яда.

– В отчёте так же указано, что в составе нет следов настойки... Как вы её назвали?

Один из советников наклонился и шёпотом подсказал судье, – опиума.

Это всё проделки графа подумал я, это он меня подставил. Почувствовав, как у меня затряслись руки от гнева, я смотрел по сторонам, ища поддержки, но встречал только обвиняющие взгляды, а Эогонд невозмутимо стоял, как будто всё так и должно быть.

– Меня подставили! У меня не было ни каких причин убивать Дариса, в то утро, я видел его в первый раз, – я не заметил, как повысил голос.

Раздался стук молотка.

– Для чего и почему, разберутся наши стражи закона, а что касается вашей ситуации, – он повернулся к советникам. Ему сразу начали что-то шептать, кто-то кивал головой...

– Вы признаётесь виновным в создании и хранении сильнодействующих ядов, повлекших за собой смерть невинного человека, – сказал он, – и приговариваетесь к казни через повешенье.

Удар молотка, будто добил мою и без того полумёртвую надежду.

– Уведите его! – приказал судья Эогонду, но тот стоял, будто вкопанный и даже не пошевелился.

Я понял, что терять больше нечего и болтаться мне теперь в петле. Схватив с тумбы книгу, я начал говорить.

– Вы, никчёмный судья, подкупленный за гроши. Ваши законы не более чем испорченная бумага, – я потряс книгой, что крепко сжимал в руке. – Это труха!

Резкая боль от гнева пронзила голову. Я швырнул книгу на пол, и та разлетелась на мелкие щепки, подняв небольшое облачко пыли, бут-то это было трухлявое полено. Все затихли и смотрели на мусор, который секунду назад был полноценной книгой.

Все были ошарашены увиденным, в том числе и я. Лиогри хмурился и чесал затылок, писарь как сумасшедший скрипел пером, ещё немного и он бы его сломал. Теонард уже стоял на ногах, с очень озабоченным лицом и держался за рукоять своего меча. Граф судорожно искал что-то по карманам, как будто потерял свой толстый кошель. Бедная служанка, шевеля губами, читала какие-то молитвы и держалась за сердце. Эгонд смотрел на меня и думал о своём. Судья, не сводил взгляда с кучки мусора перед ним и, кажется, у него подёргивался глаз. А я растерянно пялился то на одного, то на другого и держался рукой за больную голову. Прошло почти полминуты, пока судья пришёл в себя.

– Выведете его отсюда!!! – крикнул он и поднял молоток, чтобы стукнуть по столу, но поколебавшись и увидев, что Эгонд начал исполнять его приказ, бросил молоток на стол. Покатившись по столу, молоток чуть не упал на голову писарю.

Я не верил в происходящее, голова туго соображала. Что у них там с этими книгами? Она там так давно лежит, что в труху превратилась? Да, и мне теперь светит казнь. Больше не увижу я свой скромный домик, заработанный кровью и потом. Мои скромные пожитки разворуют, и от меня не останется ни следа.

Когда я пришёл в себя, Эгонд помогал мне залезть в повозку. Трупов уже не было. Только кое-где пятна свернувшейся крови напоминали об утреннем побоище. Я плюхнулся на лавку внутри телеги. Охранник, сев напротив меня, выудил из-за пазухи маленькую фляжку и протянул мне. Я без слов принял её – это уж точно мне не повредит.

Радовало только одно, долго гнить в подвалах мне не придется. На следующий день после суда была назначена казнь. Следующая новость была ещё хуже, ее сообщил мне Эгонд, упомянув, что судья, был в ярости, и поменял способ моего умерщвления, с повешенья на сожжение. Я был в самом поникшем расположении духа, когда меня вели по улицам. Собирались люди посмотреть на это зрелище, а когда мы были на главной площади, уже собралась целая толпа. Нас ждали. Где-то продавали пироги, кто-то развлекал народ акробатическими трюками, где-то даже играли музыканты. Совсем как на ярмарке. И вот я, вырос среди них, разве я такой же? Если бы на моём месте, был кто-то другой, был бы я на их месте? Всё это уже неважно. Для меня, настал конец. Смерть ждёт меня у этого костра, в душе дерут кошки от такой несправедливости, хочется закричать! Только боюсь, это нечего не изменит. Лишь развеселит толпу. Решаю молчать. Я не окажу им такой услуги. Я бесславно жил, и сегодня жизнь так же бесславно прервётся. В голову закрался вопрос: Зачем всё это... вся эта жизнь, большая часть которой походила на наказание? Смысла в ней я не уловил. Может я не тем занимался? Скорее всего, я знал, что всё это не моё. Душа твердила, брось! Но я её не послушал. Эгонд вёл меня, молча ежесекундно оглядываясь по сторонам. Станный охранник, так ответственно подходит к своим обязанностям, иногда мне начинало казаться, что чего-то я не знаю. Спасать свою жизнь, чтобы её забрали иным способом? Может он решит и сейчас меня спасти от столь жуткой смерти. Хотя, если хорошо подумать, я не знаю, хочу я того, чтобы меня спасли? Меня стучала случайность. Никто не хочет, чтобы я больше жил. От размышлений меня отвлек тухлый помидор, прилетевший и разбившийся о моё плечо. Затем и другая снедь сомнительного качества, летела в меня. Пытаясь хоть как-то увернуться от овощных снарядов, я вертел головой. Всё было безуспешно. Я видел этих людей раньше. Некоторых даже принимал у себя, помогал им. Как противно! Быстро же люди меняют мнение. Сегодня я хороший, а завтра можно выкидывать, как сломавшуюся вещь. В поисках хоть какого-нибудь спасения я глянул на Эгонда, он держался за свой меч, будто вот-вот должно было начаться сражение, выглядел сосредоточенно и быстро бегал глазами по толпе. Когда мы были у самого костра, Меч покинул ножны и разрезал воздух, как в прошлый раз, когда ему пришлось отбивать стрелу. Я подумал, что

он отбивает очередной помидор или яйцо, летящее в меня, но раздался звук удара металла о металл. Не убирая меч, воин быстрым движением руки показал пальцем в толпу, указав на двух человек, которых я не успел рассмотреть. Через несколько секунд в расступившейся толпе было два трупа, один с ножом под рёбрами, другой со свёрнутой шеей. Толпа приутихла, тухлые овощи перестали летать у меня над головой. Стража переполошилась. Кого ловить? кто виноват? Не знал никто. Эгонд решил, что нужно быстрее с этим кончать. Он помог мне подняться по специальным ступенькам на костёр и стал меня привязывать.

– Меня сожгут? – спросил я его. В горле пересохло, и голос был еле слышен, надо было отвести все подозрительные мысли и не тешить себя нелепыми надеждами.

– Не волнуйся, – столь же тихо ответил он, – тебе понравится, – он ехидно улыбнулся кончиком рта.

Надёжно закрепив меня, он удалился, и присоединился к толпе. Служитель храма встал предо мной. Я смотрел на него сверху вниз. Глашатай начал озвучивать приговор, в который входило: колдовство, убийство, создание смертоносных ядов, и много всякой нелепицы, которой я точно не совершал.

В это время ко мне обратился священник: – покайся, колдун! и на том свете, возможно, самые страшные муки, приготовленные для тебя, отложат для других.

– Я уже не верю ни в каких богов, они бы не допустили такого. Значит, их просто нет! – Я плюнул ему под ноги. Священник, нахмутив брови, пробубнил мне в ответ что-то нелюбезное, вроде «чёрт с тобой» и отошёл.

Приговор был зачитан. Палач кинул мне под ноги горящий факел, костёр начал гореть, я чувствовал жар, поднимающийся ко мне снизу. Очень плохо, что дым уносило ветром, и он не даст мне задохнуться прежде, чем до меня доберётся огонь. Я опустил голову вниз. Через большие щели досок шёл дым. Кое-где прорывались языки пламени. Я пытался инстинктивно убирать ноги, но уже ни куда не денешься. Как же я их всех ненавижу!!! Жар становился невыносим. Горячий воздух обжигал лёгкие, я ловил воздух ртом. Ненависть становилась всё сильнее и сильнее. Скоро у меня начнут гореть ноги, и я просил точно не знаю кого, чтобы всё это оказалось страшным сном, и чтобы я скорей проснулся. На меня накатила слабость, голова упала вниз, лицо обожгло жаром, и я увидел, как языки пламени касаются моего сапога. Как ударом молота, ко мне пришла необъяснимая сила, которую надо было выплеснуть куда-то, а иначе она разорвёт меня на кусочки. Её было видно. Она втекала в меня отовсюду, сводила судорогами мышцы и ломала кости. Я дёрнулся, пытаюсь разорвать верёвки, что так крепко сковывали меня и почти не встретил сопротивления, руки были свободны, хоть и на запястьях остались огромные кровавые ссадины. Я подумал о прохладе, которой сейчас мне так не хватает, и снова как будто удар молота только уже по моей голове. Я втянул носом воздух, он был прохладный, как зимой. Хруст заставил посмотреть вниз, трещали не доски, пожираемые огнём, а огонь, который только внешне напоминал его. Он будто был искусно вырезан из огромного куска льда, и видимо от разницы температур издавал глухой треск. В глазах у тех, кому представилась возможность наблюдать за этим, читался страх и удивление. Казалось, ни кто даже не дышит, все уставились на меня, боясь пошевелиться, и вызвать мои дальнейшие действия. Но их не последовало. Я почувствовал сильный рывок вперёд. В глазах потемнело. Я будто заснул, видел какие-то образы, пейзажи, быстро мелькающие разными цветами, слышал очень низкий голос, звучащий у меня в голове. Ни одного слова мне не удалось понять. И потом тишина...

Встреча

Я боялся открыть глаза, когда пришёл в себя. Я никак не мог поверить, что жив. Тихонько пошевелил руками, потом пальцами на ногах. Всё на месте. Это не могло не радовать.

Решился открыть глаза. На мне была новая одежда, руки были перевязаны бинтами. Кто-то очень хорошо обо мне позаботился. В глазах всё расплывалось, с минуту я не мог рассмотреть, где нахожусь. Я поморгал, глаза пришли в норму. Осмотрелся. Помещение было овальной формы, стены гладкие светло-коричневого цвета. В стенах располагались ниши, служившие полками. Кое-где неведомые корни, сплетаясь, образовали красивые узоры, прямо из стен росли цветы, которых я никогда не видел, и собственными стеблями образовывали что-то вроде подставки для самих себя. По центру, в потолке, зияла дыра, из которой проникал в помещение свет, и хорошо освещал его. Изучение комнаты, если её можно было так назвать, прервал чей-то голос. Доносился он откуда-то из овального проёма, служившего входом. Я прислушался, напрягая слух, как только мог, и узнал знакомый голос Эгонда.

– С крокодилами я ещё не плавал! – Начал я различать слова, – спасибо, я пас...

– Вода хорош-ший, полез-зный, дополнит много с-сил, – низкий шепелявый голос я слышал впервые, – не бойс-ся, я не кус-саюсь.

– Ага, я видел, там, у костра, забыл? Ты бедолаге часть руки откусил, – ответил Эгонд.

– Тогда нуж-жно было.

– А вдруг ты голодный и решишь, что и сейчас нужно?

– Ну, как хоч-чешь, – раздался всплеск воды.

Моя кровать была хорошей, из дуба, мягкая удобная. Мысли о том, что меня снова заточили в тюрьму, отпали сами собой, Где я? Рядом с кроватью на изящном деревянном столике стояла металлического цвета ваза, наполненная разными фруктами. Я слишком голоден и не буду церемониться, мучиться сомнениями, для кого они, и через пять минут я съел половину содержимого вазы. Мне впервые за эту неделю стало хорошо, силы начали прибывать. Недолго думая, я взял из вазы ещё пару маленьких яблочек и положил в карман.

Надо выходить. Не буду же я ждать, пока ко мне кто-то подойдёт. Я тихонько встал. Ноги ещё не совсем слушались, опираясь на стены, я поковылял к выходу. Проход уходил вправо и напоминал муравьиный ход. Он огибал часть комнаты, в которой я очнулся, и дальше выходил в огромную пещеру с озерцом в центре. Вода в нём пополнялась прямо сверху, из огромной дыры на потолке, которая по размеру повторяла контуры озера. Что-то вроде маленького водопада. Вода падала тихо, создавая приятное фоновое журчание. Слабенький тёплый ветерок гулял внутри. Стены были покрыты ярко зелёным плющом. Где-то оголялись каменные гладкие стены разной окраски, кое-где, как я уже встречал, светло-коричневые, где-то отдающие синим... красиво! В одном конце пещеры горел костерок, который грел небольшой котёл. У озера стоял Эгонд. Он держал в руке камушек и готовился куда-то его запустить.

– С пробуждением! – Я резко развернулся на голос справа.

Пока я глазел на местную красоту, рядом со мной всё это время стоял человек и наблюдал за мной. Он был в жёлтом одеянии монаха, голова полностью лысая, небольшие усы и бородка. Не пугайся, мы не причиним тебе вреда, – произнес он.

– Где я? – Первый, интересующий меня, вопрос не заставил долго ждать.

– Тебе лучше поговорить с тем, кто нас всех сюда привёл, он лучше донесет истину. Позволь мне проводить тебя к нему? – он указал рукой на довольно-таки большой проём, который был закрыт плющом и не сразу заметен.

– К кому, ему? – Мне за последнюю неделю так надоело получать ответы, которые вызывали ещё больше вопросов, и всё ещё больше запутывали.

– Поверь мне, он утолит твоё любопытство, и поведает всё что нужно.

– Ну, раз утолит, веди, – мне всё равно уже с кем говорить, после того, что со мной произошло. Я считаю за радость вообще с кем-то разговаривать. Мы двинулись вниз, оказалось, что к озеру ведут ступени, вырезанные из камня невообразимо точно и гладко. Видимо над ними трудились мастера, не покладая рук и инструментов. Эогонд увидев меня, помахал рукой.

– Добрый день, как себя чувствуешь? – Стоя в мокрой одежде, дружелюбно спросил он, – я же говорил, тебе понравится, – он улыбнулся.

– А ты так и будешь меня охранять?

– Здесь нет, ну если только от аллигаторов, – из-под воды показалась чуть больше человеческой головы, морда большущий ящерицы, и тут же получила камушком между глаз, – есть!

– Ш-ш-ш, – недовольно зашипела она и направилась к берегу, где стоял Эогонд. Воин не стал уходить, а наоборот, протянул руку и помог этому «нечто» вылезти из воды, походившему и на ящера, и на человека.

– В расчёте!.. – Обращаясь уже к ящеру-человеку, произнёс Эогонд. Ящер кивнул.

Мы обогнули озеро, и подошли к проёму. Это оказалось продолжением пещеры, которая уходила куда-то вглубь. Пройдя метров десять по пещере, монах указал мне налево. В скале были врезаны арочные, на вид очень крепкие, двери футов десять в высоту.

– Нам туда, – проговорил он, пропуская меня вперёд.

Створки легко поддались, и передо мной предстал огромный зал, с полом выложенным мозаикой. На полу было изображено нечто похожее на большие равноплечные весы. На одной чаше весов стояли люди, человек двадцать, в руках они держали разные вещи: у кого-то молоко, у кого-то корзина, у другого клетка для маленьких птичек... за ними дома, лошади... На другой чаше лежали большие ржавые оковы, цепи которых были погнуты, где-то треснуты, а где-то и вовсе разломаны на части. Чаши весов были уравновешены. Многочисленные колонны по обе стороны зала были сделаны, будто, из янтаря и уходили на самый верх, поддерживая его куполообразный потолок, который тоже не уступал полу и отображал на себе две огромные руки. Весы как бы были предназначены для этих рук. В самом конце зала ждала очередная дверь, но меньшего размера.

– Вот мы и пришли, вас ждут, – монах остановился, не доходя до двери десяти шагов. По его лицу можно было сказать, что он чем-то не доволен. Он будто хотел пойти со мной, но остался.

– А, всё-таки, кто там? – Не решаясь зайти, решил ещё раз спросить я.

– Я не знаю, это что-то новое, непревзойдённое и могущественное, – вытягиваясь по струнке, проговорил он.

Я выдохнул и зашёл в дверь. Помещение походило на гостиную: большой камин, напротив него два больших кресла, огромная люстра с множеством горящих свечей, шкафы, заставленные древними книгами и свитками. Где-то лежали непонятные для меня вещи. На стене висели: зловещая маска в половину человеческого роста, разные мечи невообразимо красивые. Я особо в них не разбираюсь, но и неопытному человеку можно было понять, что они превосходны. Ещё мой взгляд привлекла к себе непонятная штука, походившая на огромный, футов десять, мыльный пузырь, который надувают дети, но скорее всего, она была стеклянной или каменной, голубоватого цвета, где-то, плавно переходящего в белый. Удивительный декор! Я сделал шаг к центру комнаты, и звук, раздавшегося голоса, заставил меня подпрыгнуть от испуга.

– М-м-м... чую, подобное я уже ощущал, неделю назад, – голос говорившего разливался по всему помещению, был не громким, но заглушить его не смогли-бы и залпы королевских пушек. Голос был ясный, уверенный, и слова его ощущались не только ушами, но и всем телом.

– Не о том, ты сейчас думаешь... Ты, вероятно, не особо понимаешь, что с тобой произошло за последние дни? – Присядь, я расскажу тебе.

Я увидел его руку, указывающую на кресло с левой стороны от него.

– Конечно, мне очень любопытно! и почему Эогонд здесь? и где я? – У меня возникали вопросы, пока я усаживался в удивительно удобное кресло.

– Ты гостишь в моём временном пристанище, и совсем недавно ты стал решающий фигурой в некоем пари, и ставки в нём велики, и сейчас результат будет определяться.

Его одежда и волосы были полностью чёрными, как смола. Лицо было идеальной формы. Человеку было лет тридцать. Он говорил, не отрывая глаз от огня в камине, затем повернул голову и посмотрел на меня. Я увидел его глаза и замер. Возникло ощущение, будто я смотрю на звёздное небо глубокой ночью. Не было ни зрачков, ни белков. В глубине глаз горели малюсенькие звёздочки, и было непонятно, куда он смотрит. У меня был небольшой шок, таких глаз я ни разу не видел и даже не слышал о подобном. Мои руки неуправляемо выудили из кармана припасённые яблочки и начали судорожно крутить их.

– Мне представилась возможность исправить некоторые недочёты, которые мне так мешают.

– Какие? – я всё-таки пересилил себя и перевел взгляд на огонь в камине.

– Моя задача была поддерживать равновесие, а после многочисленных вмешательств оно пошатнулось, красота и гармония были утрачены.

– Но я-то тут причём? – Мне, вообще, нет никакого дела до этого, – я обычный человек.

– Не совсем обычный. У богов особое чувство юмора. Ты мог уже заметить раньше, как тебе хорошо удавалось лечение людей. Тот, бедолага, которого ты отравил...

– Это был не я! Как я мог его отравить обезболивающим средством, – и он туда же!

– Нет, на самом деле это был ты, не специально, конечно. Хаос тебе подвластен, с помощью которого ты обратил безобидную жидкость в смертельный яд, книгу в рухлядь, огонь в лёд. Как ты себе это объясняешь? Думаю, никак.

– Ты говоришь про магию?

– Да именно про неё, вчера она вернулась в первоначное её величие, она растекается повсюду. Ты её видел, не правда ли? Там, на костре, помнишь?

– Мне тогда казалось, что я сошёл с ума, и мне уже всякое мерещится.

– Я не буду вдаваться в подробности – твоё состояние на костре послужило началом магических изменений. Как только огонь коснулся тебя, всё случилось.... До этого момента тебя хотели убить, потому тебя охраняли, в том числе и Эогонд.

– И что теперь происходит с миром? – Пережёвывая новую информацию, поинтересовался я.

Он протянул руку и взял у меня маленькое яблочко, его ногти на большом и указательном пальце удлинились, и оно оказалось зажато между ними.

– Представь, что это яблоко и есть наш мир. Оно висело на сухой ветке и, если бы всё так и продолжалось, оно бы попросту засохло или упало. Но неожиданно ветвь ожила и с прежней силой стала давать яблоку сок.

Яблочко в его руках начало увеличиваться в размерах, спеть, только во много раз превышая обычную для этого явления скорость, потом стало очень спелым, красным и сочным, затем почернело, сморщилось, и из него начали потихоньку прорастать побеги новоиспечённых яблонь.

– Так есть в идеале. Чтобы этого достичь, нужен садовник, который будет следить за ними, ухаживать, оберегать от паразитов, которые так и норовят впиться в яблоки. Довольно-таки сложная задача, нужен специальный инвентарь. Другими словами, я предлагаю оказать друг другу услугу?

Он кинул то, что осталось от яблочка в огонь.

– Помочь мне? Чем? – не совсем понял я.

– Всё, что произошло, пагубно сказалось на твоей жизни, но ты не особо расстроен, если захочешь назад, вряд ли тебя там ждут. Я предложу жизнь, которая тебе больше придётся по душе.

Я и, правда, не особо расстроился, меня там мало что держало, но быть чьими-то граблями не особо горел желанием.

– Мне нужно немного времени, – после минуты молчания выдавил я, – надо всё перевернуть и обдумать, прежде чем что-то решать.

Он просто кивнул.

– Позвольте последний вопрос, кто вы? – Уже вставая с кресла, решил спросить я, так как осознал, что меня всё-таки не хотят убивать, или снова сжигать заживо. Его удивительные глаза снова посмотрели на меня.

– Тебя интересует моё имя? Я скажу тебе его, как только ты примешь моё предложение, а откажешься, я останусь для тебя никем.

Я вышел в зал: никого не было, было тихо только эхо от моих шагов. Проходя по изображению весов, мой взгляд автоматически упал на стрелку. Она не стояла ровно, как в прошлый раз, а была сдвинута немного в сторону, буквально на половину дюйма. Я точно помню, когда я заходил, стрелка стояла ровно. Я постучал ногой по мозаике, где находилась стрелка. Ничего... лежит, как влитая. Подумав ещё секунду, я покинул зал. В пещере тоже – никого. Поискал глазами выход. Может просто уйти? Даже если он там есть, уходить мне уже не хочется. Тем более, я точно не знал, где нахожусь, мог заблудиться и погибнуть где-нибудь в темноте. Я вернулся к озеру. На том конце у костра сидели Эгонд, монах и Ящер. Воин наполнял деревянные миски, и что-то говорил ящеру-человеку. Это были мои спасители, как меня уверил безымянный человек. Ну, раз так, пойду, составлю им компанию. Я направился в их сторону. Заметив меня, они прервали разговор. Эгонд протянул мне миску с едой, и жестом пригласил занять место в их скромной компании.

– Что он тебе сказал? – На лице Эгонда выразалось любопытство, и не только у него. После его слов все трое уставились на меня, внимательно слушая.

– Вы знаете, кто он? – оглядев троицу взглядом, проговорил я.

Все отрицательно помотали головами.

– Давайте-ка тогда немного проясним. За последнюю неделю в голове образовалась каша, которую нужно как-то расхлебать, – я глянул себе в миску с похлёбкой, – расскажите сначала, что произошло в городе, и как вы меня спасали.

Пока они рассказывали, я опустошил миску и даже подумывал попросить ещё. Рассказ вышел увлекательным и даже, был похож на правду.

Монах с ящером дежурили у тюрьмы, меняясь днём и ночью. Ящер чаще вступал на дежурство ночью, потому как днём, ему сложнее передвигаться, чем неприметному монаху.

Оказывается, служители неких храмов были каким-то образом осведомлены о том, что произойдёт и, почему-то, жаждали моей смерти. Почему? Ума не приложу. Присылали убийц. Они даже воспользовались, неизвестно откуда взявшимся древним свитком с заклятием, призванным убить жертву. На меня оно не подействовало, как им сказал чародей, что нас всех собрал.

Потом меня хотели отравить, но Эгонд хитро пресёк эту попытку, разыграв неуклюжесть и уронив миску с едой на пол. Вот, почему подошли крысы. Тогда я злился на него, что остался без еды, но, если всё было так, как он говорит, значит, злости тут не место. Колдуну удалось внедрить Эгонда в ряды стражников на ту должность, где бы он мог меня охранять, как узника. Случайность или расчёт, это можно узнать только у колдуна. Человек, что приходил навестить меня, хотел расправиться со мной в камере, но был тщательно разоружён моим охранником, и он не смог выполнить чей-то приказ. В последний день убийц было пятеро,

троих ящер с монахом сумели распознать и нейтрализовать, не дав им что-либо предпринять, а на двух остальных указал Эгонд. Он видел, кто метал железки в меня. Почему нужно было меня охранять, чародей не удосужился им объяснить.

Солнце село, но в пещере оставалось светло из-за множества маленьких светлячков, слетевших с плюща на стенах. Они кружили над озером, образуя светящееся облако. Эгонд подбросил в костёр дров и направился к озеру набрать немного воды. Я остался в компании монаха и большущей человекоподобной ящерицы. Меня стало клонить ко сну. Мысли начали разбегаться, собрать их воедино не было ни какой возможности. Зевнув, я уселся удобнее.

– Марк, идите, отдохните, вы ещё не полностью восстановили силы, – монах наблюдал за тем, как Ящер широко отрывает зубастую пасть, в которой поместился бы целиком большой арбуз.

– Адраскал, тебе тоже хорошо бы поспать, – обращаясь уже к ящеру, посоветовал монах.

Мне, и правда, нужно поспать. Утро вечера мудренее.

– Доброй ночи, – пожелал я всем троим, когда Эгонд подходил к нам.

Я направился в то место, где с утра удосужился проснуться. Внутри было мрачно, но найти кровать мне не составило никакого труда. Я лёг и почти мгновенно уснул.

В ту ночь мне снилось, что я снова шёл на работу, будто со мной нечего не происходило. Все горожане, что попадались мне на глаза, были добры, но я помнил тот момент, когда меня вели закованным к роковому костру, и все эти люди, были там. Доброта и вежливость были сброшены, как маски, оголив злобу и ненависть. Они жаждали моих мучений, готовы были вкушать их, насладиться, долгожданным пиром, оголовав от смирения и порядка. На меня нахлынула злость. Я проснулся, руки дрожали, в горле пересохло. Что-то было не так, в воздухе потрескивали искорки. Я сел, огляделся по сторонам, вроде всё как вчера, немного света заходило через проём в потолке, скоро начнёт светать. Нужно было умыться и привести себя в порядок. Хотелось пить. Я направился к озеру. Выйдя из комнаты в пещеру, я наткнулся на чародея, когда тот поднимал что-то с пола, мне не удалось увидеть, что именно.

– Доброе утро! – автоматически вырвалось у меня. Чародей только вежливо кивнул головой, – Забавно, для человека, ты, довольно, стойкий.

Что, имел в виду колдун, мне было непонятно.

– Что? – Я вопросительно уставился на него.

Он протянул ко мне руку и разжал ладонь, то, что там лежало, походило на чёрную смолу, только было живым. Оно меняло форму, немного дымилось, тихонько скрипело, пыталось уползти. Из сгустка поднялась небольшая капля, через секунду она обросла мелкими чёрными зубками, бросилась на его указательный палец, пытаясь отгрызть, поцарапать или проглотить. Чародей снова зажал её в кулак.

– Что это? – моя физиономия несколько не поменялась со времени первого вопроса.

– Это твой гнев, ты его породил, – убирая руку, пояснил чародей.

– Но как?

– Я объясню тебе, но позже, мне всё ещё нужен твой ответ. А пока наслаждайся добрым утром, я пойду. Мне по душе одиночество, – он слегка кивнул головой и оставил меня с моим новоиспечённым удивлением один на один.

Напившись и умывшись, я решил немного осмотреть пещеру. Оказалось, что плющ закрывал собой несколько ответвлений. Я нашёл комнату, где хранилась еда, что-то вроде погреба, только спускаться по лестнице не пришлось, она находилась на том же уровне, что и пещера, хотя температура была ощутимо ниже. Прихватил из ближайшей корзины гроздь винограда и пошёл проводить дальнейший осмотр. Следующая комната была набита разным снаряжением, оружием и одеждой. Я не стал задерживаться и двинулся дальше. Подходя к третьей комнате, я услышал чей-то храп. Комната походила на мою, но была больших размеров и с большим числом ниш, на которых отдыхали уже знакомые мне люди, ну или почти люди.

Еле помещаясь в одной из ниш, лежал Адраскал, вроде так его называл монах. Конец его хвоста лежал на полу, а морда упиралась в стенку, но при столь неудобной позе он не издавал ни звука. Лёжа на спине, видя седьмой сон, храпел Эгонд, положив свой меч, спрятанный в ножны, под голову. Интересно, ему так удобно или он просто не хочет расставаться со своим мечом? На третьей нише отдыхал монах. Мне казалось, что он спит, но присмотревшись, я увидел, что глаза его были открыты.

– Простите, я не хотел вас тревожить, – шёпотом протараторил я, увидев, как тот приподнялся.

– Ничего, я мало сплю и уже собирался вставать, – монах протирает глаза рукой, – доброго вам утра.

– Вам тоже. Я вчера не представился, моё имя Марк.

– Я Элун, служитель храма Диких Ветров. Неудивительно, что вы не представились, известные нам события выбили вас из колеи.

– Раз вы проснулись, может, составите мне компанию, я подумывал заварить чай. Элун повел меня к большому проёму.

– Да, за чашкой чая и побеседуем.

Мы вошли в пещеру.

– Мы опять к нему? – Удивился я.

– Конечно, нет, мы идём за дровами, как-то нужно же воду вскипятить, – не оборачиваясь, ответил Элун.

Мы миновали дубовую дверь и буквально через пять минут свернули направо. Впереди, в метрах пятидесяти, виднелся выход.

– Куда мы выйдем? – снова спросил я у Элуна.

– Насколько я знаю, это край леса Дремоты, недалеко от Тарнаила.

Я считал, что мы гораздо дальше, а не в пяти днях от дома, бывшего дома. Может мне стоит вернуться, убедить всех, что это всё недоразумение? И снова приступить к работе? Шансов мало, но они есть. Вопрос только в том, хочу ли я этого сам? Простить всех за то, как они со мной поступили. Вряд ли.

– А почему бы не попробовать вернуться? Может я смогу всё изменить? – Решил я узнать мнение Элуна.

– Ты не пленник Марк, ты волен поступать, как считаешь нужным, но я бы, на твоём месте, не возвращался, – Элун заметил, что я задумался, он понимал, что мой дом недалеко и перемены не всякому даются легко, – тебя там попросту убьют.

– Я знаю.

Мы вышли из пещеры. Ощущались приятный запах росы и утренняя прохлада. Давно я просто так не гулял, работа отнимала всё время, но сейчас мне некуда торопиться и всё казалось немного другим, более реальным и существенным.

– Этот человек, что нас собрал, не так прост, я склонен идти за ним и, больше чем уверен, остальные тоже. Он дал мне то, что я искал и, думаю, с тобой он поступит так же, – не много подумав, ответил монах, – а что ты получишь, если вернёшься назад?

Хворост мы собирали в тишине. Я думал над его словами и, скорее всего, он был прав. Вернувшись, Элун развёл огонь, а я сходил за водой. И пока мы сидели, дожидаясь кипятка, я решил подробнее расспросить его о том, как он встретил колдуна впервые.

В памяти Элуна всплыла картина этого события, и... она отобразилась в моей голове с его чувствами, ощущениями, размышлениями. Вот что, представлял его рассказ.

– Тишина! Слышно только как слабенький ветерок гуляет по залам храма. Обычно тут не так тихо, ветра в этих местах суровые и служащие монахи спуют туда-сюда. Самое подходящее время для медитации и успокоения. Элун стоял в одном из залов и размышлял. Жизнь его

зашла в тупик. Он достиг видимых и невидимых пределов, но отказывался верить в это. Его учили, что пределов не существует, как для сознания, так и для тела. Он побывал во многих местах, где не мог найти ничего нового и полезного. Он злился, и сдерживать свой гнев становилось всё сложнее и сложнее. Место, в котором он пребывал, было далеко на севере в горах Огульяс. Храм Диких Ветров располагался почти на самой вершине хребта. Мысли не давали покоя. Что ему делать дальше? Куда направиться? И есть ли в этих поисках смысл?

Его размышления прервал тихий звук, прислоняющегося походного посоха к каменной колонне. Элун развернулся вполоборота, немного удивлённый, но не подавший вида, слишком легко его застали врасплох. Так тихо к нему подкрасться раньше не удавалось никому. Человек, оставивший посох, прошёл, встал посреди зала в боевую стойку и замер, будто статуя, и только его чёрный плащ немного колыхался на тихом ветру. В глазах Элуна заиграла шальная искра любопытства, его давно не вызывали на бой. Обычно, это была его прерогатива, а тут... назревает что-то любопытное. После нескольких секунд раздумий, Элун медленно начал обходить безумца, решившего бросить ему вызов. Незнакомец не произносил ни слова, стоя без движения. Создавалось впечатление, что он даже не дышит. Первое, на что обратил внимание Элун – его руки: они были ухожены, ни одной мозоли, ни одной царапины. Человеку, владеющему боевыми искусствами, это несвойственно, и этот факт немного огорчал Элуна. Потом его взор упал на глаза незнакомца. Элун даже на секунду остановился. Глаза были чёрны и не имели зрачков.

Элун не мог не принять вызов, так как не знал наверняка, кто перед ним и на что способен, хотя и колебался, боясь разочароваться в сопернике. Он остановился напротив незнакомца и решил играть по его правилам, копируя его в зеркальном отражении. В два стремительных шага незнакомец сократил дистанцию и атаковал мастерским ударом правой ноги снизу вверх. Элун знал стиль, что выбрал соперник, и ответил контрударом левой ноги, целясь в корпус, дабы сбить его с ног. Оппонент без труда, будто точно знал, что произойдёт, уклонился, и, придерживая заданный темп, попытался снова атаковать, не давая Элуну ни секунды на размышление. Но монах и не ждал передышки, он ликовал, ибо его предположения о недостойном сопернике, разбились вдребезги. Увернувшись от очередного, безумно искусно выполненного нападения, он резко поменял позу, рукавом загораживая обзор нежданному, но достойному гостю, делая выпад, попытался достать его прямым ударом правой ноги. Но, человек снова успел отступить, будто точно знал, что нужно сделать, чтобы не попасться на уловку. Небольшая пауза дала Элуну немного собраться. Он уже знал, что перед ним мастер, и бой будет очень увлекательным. Человек с чёрными глазами сменил стойку, приподнял руки и сжал кулаки. Короткий разбег и удар сверху рукой. Элун ушёл и от него, но от тройки быстрых коротких ударов – не вышло... их пришлось отбивать. Монах, не оставшись в долгу, атаковал несколькими ударами, целясь в корпус, но и они были отбиты, не вызвав никакого напряжения у соперника. Потом следовали многочисленные пробы достать друг друга разными способами. Бой усложнялся с каждой секундой. Не мыслимая скорость и реакция оппонентов ввела бы любого наблюдателя в восторг. Красота этого боя завораживала, и повторить такое вряд ли кому под силу. Элун начал восхищаться соперником. С какой лёгкостью ему всё даётся! Какая превосходная защита! Какое нападение, почти не оставляющее шансов на уход! Человек, видимо, посвятил всю жизнь боевым искусствам. Стили менялись гораздо чаще, уже не делая пауз. После применения десятого или двенадцатого боевого стиля, без сомнений, в идеале освоенных этим человеком, Элуна ждал сюрприз – демонстрация стиля, которого он не знал. Ему приходилось только защищаться, а потом и вовсе не оставалось времени, чтобы анализировать действия соперника. Последнее, что он понял – это свою незащищённость и превосходящее мастерство незнакомца. В конце боя он пропустил удар, что сбил его с ног и отправил плашмя на холодный каменный пол.

Пока он рассказывал, Адраскал с Эогондом проснулись и присоединились к нашему чаепитию. Рассказ Элуна слушали все, не перебивая.

– Короче, он тебя побил, и ты пошёл с ним, – заключил Эогонд.

– Поверь, такое в честном бою не удавалось никому. А ты почему с ним?

Все уставились на Эогонда.

Он оглядел всех и, поняв, что и ему придётся всё рассказывать, начал... Передаю его рассказ Вам, мои читатели.

– Праздник Освобождения был в самом разгаре. В трактире «Железная карета» не осталось свободных мест и в зале гостиницы звучали кастаньеты, мандолина, гармонь, пелись стихи. Трактирщик не успевал разливать эль по чаркам. Официантки носили подносы, с разной снедью. Царило веселье. И только за одним столиком сидел человек хмурый и несчастный. Он сидел один и допивал уже третью чарку эля. Его здесь знали, и никто не удивлялся его настроению. То, что с ним случилось, многие посчитали бы огромной удачей, но не он. В одной из битв он сражался с несколькими врагами одновременно. Один за одним погибали его боевые товарищи. К концу сражения, окружённый валом поверженных врагов, он лежал на земле истощённый, со сломанной ногой, и, что его больше всего расстраивало, без правой кисти, в которой он привык держать свой меч. Он укорял богов, что они отняли у него правую, а не левую руку. Он был непревзойдённым, как только брал меч в руку. Потеряв конечность, он потерял то, что зарабатывал всю жизнь. Он сломался, сник, не мог больше сражаться. Он превращался в пьяницу, хотя многие ещё долго будут помнить его подвиги.

Двери трактира открылись. Вошёл человек в походной одежде в длинном чёрном плаще. На поясе его висел меч, что не должно было не взволновать охрану, но она будто его не заметила. Он не торопясь шёл между столами, рассматривая, кто за ними сидит, пока не увидел воина с отрубленной кистью. Человек с мечом присел рядом.

– Какого ты... – безрукий воин не смог договорить, столкнувшись взглядом с незванным гостем. Глаза гостя были черны и напоминали звёздное небо.

– Пока тебе не отсеки кисть, ты хотел славы, мести и жаждал всё больше войн?

– Ты пришёл издеваться надо мной? – Воин всё ещё смотрел в его глаза, но уже взял себя в руки.

– Я помогу, дам тебе возможность сражаться и получить великую славу.

– Ты, наверно, не в курсе, я уже не тот, что раньше, – он поднял правую покалеченную руку так, чтобы её было видно. Молниеносное движение незнакомца и обрубленная рука оказалась крепко сжата без возможности пошевелить ею.

– Это мой дар тебе Эогонд, сын Эротора, распорядись им, как считаешь нужным.

Эогонд попытался вырваться, когда его обрубок оказался в руке у незнакомца. Он дёрнул руку, что было сил, но сложилось впечатление, что его держит не человек, а будто рука застряла под огромным камнем и все попытки вытащить её были тщетными. После его слов в руку ударила резкая боль, а потом за секунду из обрубка выросла ладонь не хуже той, что была раньше. Незнакомец разжал запястье Эогонда и просто стал смотреть на него. Чувства Эогонда сложно было передать. Удивление, смешанное со страхом и радостью ввергало его в полный ступор. Рука стала такой, как раньше. Он сжал её в кулак, разжал, всё работало. Подумал, что он спит и это всё ему приснилось. Он встал из-за стола, и очередная волна чувств нахлынула на него. Его нога была в полном порядке. Он глубоко дышал, сердце билось часто, он стал молить богов, чтобы это не оказалось сном. Незнакомец встал вместе с воином, спустя несколько секунд, вынул из ножен меч и протянул ему. Этот день запомнился ему на всю жизнь, он снова держал меч, уверенно стоя на своих ногах. Эогонд не сводил взгляда с подарка, а незнакомец постоял ещё несколько секунд, развернулся и хотел уходить.

– Подожди, – окликнул его Эгонд, но тот его будто не слышал. Воин посмотрел на свою новую руку, немного поколебался и быстрым шагом решил догнать незнакомца. Эгонд затруднялся называть его человеком, да уже и неважно было, кто он, ведь этот незнакомец вернул ему то, что он всегда боялся потерять.

Для всех остальных, калека исчез под гам и хохот толпы. Никто не вспомнит, куда он делся, потому, как в тот вечер из таверны вышел новый, полноценный Эгонд, которого пока не знали, но это только вопрос времени.

Рассказывая, Эгонд ещё готовил всем что-то вроде супа, хотя кулинар из него так себе. Но никто не жаловался.

– Вот так вот, – закончил он, улыбнулся и добавил, – и теперь меня никто не сможет унижить.

– Удивительно, это тот меч, что он тебе дал? – Поинтересовался я.

Эгонд кивнул.

– Можно взглянуть?

Он вытащил меч из ножен, крутанул в руке и протянул мне. Не нужно быть знатоком, чтобы понять, как хорош меч! Он был просто великолепен: обоюдоострый, с множеством узоров удивительной красоты и с непонятными знаками на клинке, похожими на руны. На первый взгляд показалось, что рукоять сделана из какого-то камня, но не холодного, а на ощупь... она оказалась из дерева. Гарда в обе стороны оканчивалась крестами. По словам Эгонда, очень удобная штука. Дорогая вещь, чтобы её так просто отдать. Я вернул меч.

– Элун, у тебя остался тот посох? – спросил я. Мне стало интересно, так же он хорош, как меч.

– Да, сейчас, – он встал, и сходил за посохом, который был, видимо, где-то спальне. Посох как посох, только вот выглядит, как будто сделан из гранита, и по весу такой же тяжелый. Но, если бы это было так, он бы давно раскололся, при любом падении.

– Я не знаю, зачем он мне его дал, – пожал плечами монах.

– Можно? – попросил Эгонд, я передал ему посох, – для похода он тяжеловат, для боевого оружия – коротковат. Не знаю даже для чего он?

– Адраскал, я прав? – я обратился к ящеру, – и тебе он что-то дал, если это не секрет?

– Прав, и нет, это не с-секрет. Мне он ничего пока не дал, – до этого момента ящер молчал и внимательно всех слушал.

– Пока что? – переспросил я.

– Да, но обещал помочь вернуть...

– Если не возражаешь, можно поподробнее?

Вот, теперь и его рассказ в моем переложении.

Территория гор Имандры почти непроходима для людей. Скалы, узкие как пики, торчащие из земли, невысокие, в среднем не более пятидесяти метров, расположенные почти вплотную друг к другу. Кое-где подножия скал затоплены водой.

До сих пор сохранились отголоски старых времён. Уже на последних мгновениях заката своей расы, жили полуящеры. Они дичали, но отчаянно пытались сохранить крохи знаний былого великого народа. Времена становились суровее с каждым годом: еды становилось меньше, охота давалась тяжелее, приходилось уходить дальше, а то и заходить на чужие земли.

Разведывательный отряд под командованием капитана Гедора проводил вылазку близ гор Тарту и волей случайности они наткнулись на ящероподобных охотников, что ушли далеко от своего безопасного дома. Их было всего трое, но в схватке с ними погибло немало людей. Одного ящера, воинам удалось взять живым, связать и привести в лагерь.

– Завтра утром выдвигаемся! – оповестил всех капитан, – Варен, будешь дежурить первым. Смотри в оба за тварью!

– Так точно! – ответил воин.

– Если дёрнется, пристрели!

Ящер не думал что-то предпринимать, он понимал, что его убьют при любой попытке сопротивления, но и идти с ними он не хотел. Лучше умереть, чем отправиться в города людей и жить, как крыса в клетке. Он привык быть свободным и сейчас хотел дожидаться подходящей возможности, чтобы умереть, и забрать с собой как можно больше жизней этих людишек. Но такой возможности не представлялось: его не развязывали, не кормили, не давали даже воды, дабы не снимать цепей с его морды.

– Терпение, терпение, храни силы, они ещё тебе пригодятся, – говорил он себе.

Он был тише воды ниже травы, люди даже не предполагали, что он умеет говорить, и знает их язык. К концу второго дня похода с людьми, его привязали к небольшому дереву. Если дожидаться пока все уснут, а дозорный решит размять ноги, то можно постараться повалить дерево. Ящеры гораздо крупнее людей, потому всё могло и получиться. Кажется, все спят. Час, два... стражник с арбалетом сидел у костра на поваленном дереве в метрах десяти от него и исправно нёс свою службу, и даже не думал покидать пост ни на секунду.

Шаги, кто-то шёл к лагерю. Человек. За то время, которое ящер провёл с людьми, он запомнил, как звучит походка человека. Но это кто-то не из отряда, его шаги были легки, расслаблены, и совершенно бесстрашны. Он будто шёл не по ночному Брумскому лесу, а прогуливался по берегам Ультуры (так народ ящеров называл реку у гор Имандры) ясным тёплым днём. Через несколько секунд стражник вскинул арбалет в ту сторону, где раздавались шаги и замер, не произнеся ни слова. Шаги не прекратились. На свет вышел человек в чёрном одеянии, отличавшемся от одежд воинов. Он шёл к закованному и привязанному Ящеру, ни грамма не смутившись поднятому на него арбалету. Прошёл мимо стражника, но тот не издал ни звука, стоя неподвижно и целясь в лесную темноту.

– Здравствуй Адраскал, – произнёс человек, обращаясь к ящеру на его языке, – ты не будешь против моей компании?

Глаза ящера расширились от удивления, кто-то из людей знает их язык, и даже больше того, знает его имя. Он приподнял голову и немного привстал. Человек же не сбавляя шаг, подходил всё ближе.

– Позволь? – он протянул руку к морде Адраскала.

Он что, хочет снять намордник? или это уловка? Человек, наверно, с ума сошёл? Ну, раз он откуда-то знает наш язык, видимо хочет поговорить, прикинул в уме ящер, и повернул морду к нему. Тот лёгким движением снял замок и скинул цепи. Потом проделал тоже самое и с цепями на его руках. Ящер подумал было схватить его, но заметил его глаза. Они были как дыры на лице, но в глубине их сияли маленькие звёздочки, будто на небе. Они заморозили его, мысли разбежались, но, придя в себя, почувствовал, что полностью развязан.

– Не торопись, я пришёл поговорить, и если моё предложение тебя не заинтересует, то я удалюсь восвояси, а ты можешь делать, что захочешь, – он сделал шаг назад.

Адраскал думал. Поглядел на стражника, тот стоял и всё ещё целился непонятно куда. Все ещё спали. Если сейчас бежать, он смог бы добраться до дома в целости, но этот человек... что он хочет? Почему меня освободил? Кто он?

Пока он думал, человек в чёрном вытащил из-под плаща большую флягу и немного отпил из неё. Адраскал услышав, как во фляге булькнула вода, тут же почувствовал, насколько сильно он хочет пить и невольно потянулся к фляге. Человек будто прочитав его мысли, вложил флягу ему в руку. Адраскал проверил воду на запах и, убедившись, что там только вода, быстро отпил, потом ещё, и в третий раз осушил её до дна.

– Благодарю тебя человек, я выслушаю тебя.

– Вы, в прошлом великий и сильный народ, утратили самый ценный дар. И так сложилось, что в моих силах помочь вам вернуть его.

– Люди много врут. Я не доверяю вам.

– Ты видел знаки? Ты знаешь, что грядут перемены? Ты чувствуешь приближение этого? Есть ли смысл препятствовать? Я предлагаю только помощь и скажу, что тебе нужно делать, – он развёл руки в стороны.

Адраскал почувствовал силу в этом человеке, его животное «Я» утверждало, что это существо не может врать. Его вид, всего лишь маска, которая скрывает что-то великое, могущественное и невообразимое. Надежда и новая цель заняли место сомнений. Он даже забыл, что люди взяли его в плен.

– Я готов.

– О чём же шла речь? – логично поинтересовался я.

– Наш-ши воины раньш-ше умели летать, у них были крылья, – уточнил Адраскал.

– Вывод – он никого из вас не заставлял ему служить, он предлагал выбор, который вы сами сделали, – заключил я.

– Да, и не пожалели об этом, по крайней мере, пока, – подтвердил Эогонд.

– Он дал надежду, достичь того, что мы считали не достижимым, – заговорил Элун, – я уверен, и тебе он приготовил что-то особенное.

– И нам очень интересно, о чём вы говорили? Давай рассказывай Марк, теперь твоя очередь, – потребовал Эогонд.

Я вкратце рассказал про разговор с чародеем. Все слушали, не перебивая, а когда я закончил, Эогонд сразу выдал.

– Так мы тебя все ждём? Что же ты kota за хвост тянешь?

– Я не тяну, просто в голове сложно всё уложить, – сразу ответил я ему.

– И что ты думаешь? Что решишь?

– Мне кажется, я уже решил. Вечером пойду...

– Обдумай хорошо своё решение, возможно, оно самое важное в твоей жизни, – добавил Элун, – мы пока пойдём, прогуляемся.

Элун с Эогондом встали и направились к выходу. Я остался один на один с Адраскалом.

– Моё мнение – этому необычному человеку можно доверять, – вставая, сказал ящер, – я это чувствую.

Он ушёл вслед за остальными, оставив меня в одиночестве. Я размышлял, взвешивал и долго не решался вставать. Начало темнеть, наступал вечер.

Ладно, что тут ещё думать. Пойду, скажу о своем решении. Прошёл мимо озёра, в дальнем проходе дверь также легко открылась. Снова зал с колоннами. Пройдя до половины, я заметил, что картина на полу немного изменилась. Внимательный осмотр показал, что весы, как будто издевались надо мной. Стрелка переползла в сторону ржавых оков на несколько дюймов. Ради интереса я присел и попытался подковырнуть одну маленькую плиточку, полагая, что раствор не успел затвердеть за одну ночь. Но плитка не поддалась, сидела как влитая. Опять магия? Интересно, он хочет дать мне понять, что уже знает мой ответ. Не удивлён, я и сам его давно знаю. Не моё это – быть врачом. Мозаика на полу ожила, камушки начали переползать с места на место, издавая довольно приятный звук, и в конце замерли. Чаша с оковами перевернулась. Дверь сзади открылась сама, будто приглашая меня внутрь. Я же не стал удивляться, а просто вошёл.

Чародей стоял около шара, утопленного в пол наполовину, и смотрел на него сверху вниз. Я молча подошёл к нему и взглянул на шар. На нём были изображены какие-то земли, сухие обрубки старых деревьев, кое-где сухой кустарник, в некоторых местах только желтоватая трава.

– Это земли Проклятых, – заговорил чародей.

– Я слышал про них, там, говорят, никого нет, одни сплошные неплодородные равнины. Я часто слышал разные рассказы об этих землях, про жуткие вещи, что творились там, но всё это, скорее всего, бабкины сказки.

– Про неплодородные земли, ты прав, но то, что там никого нет, ты ошибаешься, – он легонько коснулся шара, ракурс поменялся и открыл ужасную картину. Скелеты, полуразложившиеся трупы, просто стояли, изредка шевелились, или делали неуверенные шаги, их было очень много, они были и там, и тут.

– Кто это? – не сводя глаз с шара, поинтересовался я.

– Это и есть проклятые, они пробуждены нашими недавними событиями.

– А что они ждут?

– Они ничего не ждут, им ничего не надо. Они так и будут стоять, пока не проснутся те, кто ими сможет управлять.

– И что тогда?

– Они пойдут на Север, убивая всех, кого встретят на своём пути, но это будет не скоро, им нужно время.

– Их можно остановить?

– Даже нужно. Вам предстоит отправиться в Климентинум и найти записи о короле Неоне. Очень давно он был заинтересован в том, чтобы легионы пребывали в своих землях, но сейчас он находится в глубоком сне, и сам не сможет пробудиться.

– Вы не отправитесь с нами?

– Есть вещи, что мне нежелательно делать и места, которые не стоит посещать. Ты со временем поймёшь.

– Ладно, а записи, как я их найду?

– Главное найти, в этом я вам помогу. Вход у Огненных Вершин. Адраскал знает, как его обнаружить. Всё остальное будет просто.

– Хорошо. Мой ответ, я так понял, вам без надобности?

– Почему же, я его всё ещё жду, – он оторвался от шара и посмотрел мне в глаза.

– Я принимаю ваше предложение, – я приготовился слушать.

Мы сели на кресла, которые опять показались мне безумно удобными, после долгого сидения на брёвнах. Камин, как и в прошлый раз, горел и приятно согревал ноги. Чародей достал из складок своего чёрного одеяния камушек и покрутил в руке. Потом, протянув руку, положил его на невидимый столик между нашими креслами.

– Что это? – спросил у него я.

– Боюсь, придётся очень долго рассказывать что это. Я лучше расскажу, как он работает.

После того как камень оказался в воздухе, на меня напала сонливость. Тело начало расслабляться. Не хотелось даже шевелиться.

– Посмотри вокруг, – он продолжал рассказывать, а мне хотелось просто сидеть и слушать, – это физический мир, но есть множество его граней, обитель духов и пристанище всего нетелесного. Так вот, этот камень при должном его использовании, может быть полезным. Он нарушает стабильность.

У меня стали сами по себе закрываться глаза.

– Твоё тело, как балласт, остаётся там, где ему должно быть, – я почти спал, но отчётливо его слышал и понимал, – а ты, вставай!

Последнее слово он произнёс очень громко, но, не крича, а как будто произнёс его прямо мне в ухо. Я открыл глаза и встал. Чародей также сидел на своём месте. Тот камень, что висел в воздухе, очень быстро крутился, издавая еле слышимый гул.

– Оглядишься снова, – попросил чародей.

Все движения давались легко, я будто заново родился. Я окинул кабинет взглядом, всё тот же кабинет, всё те же кресла, но камень посередине комнаты начал немного светиться,

а потом я заметил, что в воздухе повисло что-то, в виде туманной дымки, невероятной красоты. Оно текло как вода, просачиваясь через стены, переливаясь всеми цветами радуги, иногда становясь абсолютно белым. Я провёл рукой. Образовавшиеся завихрения сменили цвет на ярко-фиолетовый. Мой любимый цвет! А потом, не прерывая вращения, будто впитались в мою руку, и остались там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.